

ПО ВЕЧЕРАМ — жара спадала.

С озера иacial дуть тугой камышовый ветерок и отгаснял дневную духоту в горы, громоздившиеся сразу за спальными корпусами дома отдыха. Медленно, настойчиво приходил вечер. Сначала он останавливался на постройке в березовой роще и накапливался там, и она тучнела, наливаясь темнотой. Потом, набравшись сил, сумрак путал дорожки из лесу к озеру и спешно заполнял промежутки между спальными корпусами. Величественные днем горы становились ниже, теряли свою пестроту, объемность и, наконец, сливались с таким же темным и тихим небом.

Но вот из клуба долетели вздохи баяна, и в окнах промелькнули первые пары танцующих. В спальнях корпусах медленно гаснут огни, и отдыхающие уходят на вечер танцев.

Последним из палатки во втором этаже вышел коренастый и широкоплечий паренек, в синем шевитовом костюме. Он осматрелся и подошел к висевшему в углу коридора зеркалу:

— Нет, положительно, Костя, ты не красавец, — промолвил он. — А нос-то, нос, не нос, а хобот от завалочной машины. К такому-то носу брови в палец толщиной полагаются, а их нет. Есть-то есть, да повыгорали от огня донны. В отпуск отрастают, заметны, а на работу выйдешь — снова их снем съест. Лишь волосы ничего, — Костя тряхнул головой. — На них огонь, — положительно подытожил: выкрасил под свой цвет, вызолотил лучше всякой перекиси. Эх, был бы я красив, — он тяжело вздохнул и вспомнил соседку по столу, веселую, черноглазую Люду Хроленко, которая ему понравилась с самого первого дня в доме отдыха своей веселостью и еще чем-то таким, чего и не объяснишь сразу ни людям, ни даже себе. Но тут же вспомнил и своего соперника, шеголеватого студента в цветастой под канарейку вельветке и брюками узкими, как водопроводные трубы. Студент не понравился Косте с первого знакомства, в пути, когда сумел устроиться в кабинку с шофером, хотя в кузове сидели люди постарше. Правда, Костя вытаскил его оттуда, но факт остается фактом.

Он так долго смотрел в зеркало, что у него заболели глаза, и он принял их тереть.

— Зачем же вы их трете, — услышал он вдруг знакомый голос. — Засорили?

— Да вот, немного, — он обернулся и увидел в двух шагах от себя ту самую Люду.

— А ну-ка, давайте я вам помогу. — Она вытаскила из рукава платочек и для удобства, так как была на голову ниже Кости, чуть-чуть пригнула его за шею. А он, вконец растерявшись, смотрел на ее платок с розами и вырезом на груди и не знал, что ему делать.

— Ну же, отнимите руку, — докторским тоном произнесла

она, — и голову хоть немного наклоните, а то она у вас как железная.

Костя повиновался. Конечно, она ничего не нашла и недовольно протянула:

— Света тут маловато. Пойдемте лучше к сестре.

Медицинская сестра Вера Ивановна долго копалась в Костином глазу, пододвинула сильную лампу и тоже ничего не нашла. Закавав на всякий случай глаз какими-то ядовитыми каплями, она сказала:

— Инородного тела в глазу нет. Проморгается.

Когда вышли из кабинета, Люда вдруг спросила, улыбаясь:

— Зачем вы показывали сестре левый глаз, ведь терли-то вы правый?

— Я забыл, — смущенно ответил Костя, и они оба засмеялись.

В танцевальном зале Люду сразу же пригласил на вальс шеголеватый студент, саркастически поглядев на ее спутника. И Костя сел в самый дальний угол. А вечер все разгорался: становилось все шумнее, кое-кто вполголоса подпевал баянисту слова вальса, другие, перезнакомившись, громко беседовали. Костя все время следил за Людой: вот она нашла его, и они обменялись взглядами. Косте показалось, что она даже улыбнулась. И снова — противная, цветастая, как размалеванная обои, спина студента. Он прямо-таки осаждал Люду, бросаясь наперерез каждому, кто пытался подойти к ней. И только когда студент вышел из зала, видимо, покурить, Костя, наконец, подошел к Люде:

— Разрешите с вами потанцевать?

— Пожалуйста. — Она улыбнулась и положила ему на плечо загорелую руку. — Ну как ваш глаз? — И не дожидаясь ответа, сказала сквозь смех:

— Вижу, поправляетесь, девушки стали замечать.

— Глаз в полном порядке. Только до вас и не доберешься: телохранитель у вас надежный.

— Вот как? Его вы и боялись? А я-то думала вы смелый! — Она разочарованно качнула головой.

— Вы думали?

Но Люда, ничего не ответив, запела со всеми слова вальса. Танцевал Костя неважно. Можно сказать, скверно, и лишь огромное желание познакомиться с девушкой толкнуло его на столь рискованный шаг. А тут от волнения Костя совсем сбился с такта и кому-то наступил на ногу. Танец был испорчен. Костя извинился и отвел девушку на место, где ее уже поджидал студент.

Отходя, он услышал, как тот сказал Люде:

— И танцевать-то толком не

Ф. Можайко

Рассказ

может, а тоже приглашает. «Тюхтяй», — и залился смехом.

— И ничего смешного нет, подумаете, премудрость, — ответила Люда.

Костя остановился. Он хотел вернуться и сказать им, что он доменщик, что у него трудная и горячая профессия горного, к тому же он еще учится в техникуме. Придешь с работы и не знаешь за что хвататься: надо и отдохнуть, и приготовить еду, да еще уроки. На все это уходит время. А танцевать он тоже любит и понимает что надо, только никак на это время не выкроит. Может быть, они бы и взяли выучить его здесь, в доме отдыха, раз так сами здорово умеют, он ведь не бестолочь: вон какую домну освоил за два года, вторым горновым поставили.

И тут же подумал, что напрасно, не поймут они его, да еще и посмеются. Птички они, видать, не того полета. Она-то еще ничего, да раз повелась с таким, такая же и будет. А он-то, конечно, «тюхтяй» раз к двадцати трем годам танцевать не выучился. Достав папиросу, он даже закурил от обиды. «А танцевать я все равно научусь. Утром массовик приглашал на уроки танцев, буду ходить каждый день», — решил он.

— Разве в зале курят, да еще в присутствии девушки, которая хочет с вами танцевать? — лукаво заметил сбоку. Костя обернулся. Рядом стояла Люда.

— Ну как же, станем с вами дамский вальс или нет?

Они танцевали вальс, а потом вместе разучивали «коробейники», которые всем показывал массовик. Во время танца Люда сказала, что приезжает сюда каждое лето к матери, которая работает здесь поваром, и устраивается до конца лета официанткой, чтобы помочь матери, да и себе заработать на одежду, потому что она учится в медицинском на третьем курсе, а стипендия маленькая.

Лицо у Люды было смуглое, загорелое, глаза большие, пытливые отливали такой же смоляной темнотой, что и коротко стриженные слегка выщипанные волосы, падавшие гнутыми упрямыми кольцами к самым дугам бровей. И прическа Людина Косте тоже нравилась, хотя в душе-то он дал себе зарок жениться только на той, у которой будут толстые красные косы. Люда называла ее «художественным беспорядком». Костя смеялся и трюнил над ней, и все равно прическа ему нравилась.

Разошлись поздно после отбоя. Проводив Люду до дома, где она жила вместе с матерью, Костя возвращался в корпус. Занавешенная словно огромным голубым абажуром пушистым облаком, мягко светила луна, отчего цветы на клумбе казались покрытыми матовой неяркой глазурью.

НА СЛЕДУЮЩИЙ

день Костя пригласил Люду покататься по озеру на лодке. Окруженная со всех сторон горами, вода в озере была тихая, как на дне глубокого колодца. Солнце стояло высоко и просвечивало его насквозь. Слово в детском калейдоскопе виднелось дно, усыпанное цветной галькой, ракушками, огненно-зелеными водорослями. Люда рассказывала ему, что студент тоже занимается в их институте, он сын большого начальника и однажды то ли в шутку, то ли всерьез, назвал ее уборщицей.

— Это ж выходит, что уборщица уже и не человек. Ну и шутки! Да за такие шутки нужно бить морду сразу, не отходя от кассы! — вспыхнул Костя и развернул лодку к берегу. — Я этому гаду докажу.

— Ну что ты, Костя? — Люда тоже схватилась за весла, пробую удержаться. — Ну какое тебе дело до него? К тому же, он спортсмен.

— Вот и хорошо, — отрубил Костя. — Значит, и мордобоя не надо. Я ему так, «морально», все объясню. А дело у меня до таких всегда будет. И он потянул весла так, что те скрипнули.

У самого берега он увидел купальщиков. Среди них он сразу заметил студента. Театрально размахивая руками, тот показывал у самого берега «стильного кроля».

— Эй, ты, малеванный, — крикнул Костя, вставая на нос лодки. А ну-ка давай наперегонки вон до той лодки, — и он, не ожидая ответа, нырнул. Услышав за собой всплеск, Костя догадался, что его вызов был принят.

Костя плыл, как всегда вразмашку, а студент кролем. Когда до лодки оставалось совсем немного, Костя вдруг почувствовал усталость. Впрочем, особой усталости не было: дыхание было ровным, и в мускулах была сила. И все же студент его догнал. Вот он на какой-то миг повернул голову, открыл рот широко, порывы, и Костя заметил в его бытовых глазах насмешку.

Когда он вслед за студентом влез в лодку, то небрежно бросил:

— Безалаберно плывешь, парень. Впрочем, и танцуешь так же. Учиться тебе надо, — и он хотел похлопать Костю по плечу. Но тот так сильно отбросил руку студента, что студент свалился в воду. Костя подумал, что будет лезть в лодку драться, но тот повернул к берегу.

Вечером перед танцами Костя заглянул в библиотеку посмотреть газеты. Осмотревшись, он заметил в углу на диване студента: тот разговаривал с каким-то худеньким очкастым пареньком.

— Через год кончим институт и будем работать в новой поликлинике, — донеслось до Кости.

Паренек неуверенно возразил:

— А если пошлют на целину или в район?

— Ну уж, дудки. Мне и здесь

хорошо. Отец сделает, — ответил студент.

Костя покраснел и встал со стула.

— Ты, пивка, такие слова громко не говори, — пригрозил он. — С твоей силой не аппендициты людям вырезать, а антрациты грузить.

Он пул на ходу далеко выставленные ноги студента в модных черных туфлях.

— Выставил, как на прилавок — и вышел, хлопнув дверью.

Перед отъездом из дома отдыла Костя и Люда пришли проститься с озером. Они сели в заросших кустах черемухи, и хотя понимали, что без большого разговора им не обойтись, каждый не решался нарушить молчание. Первый его прервала Люда:

— Костя, хочешь, расскажу секрет?

— Хочу, — ответил Костя.

— Тогда дай слово, что будешь молчать.

Он дал.

Люда сказала, наклонившись к его уху:

— Сегодня утром ко мне приходил студент.

— Вот как!

— Угу. Он сказал, что согласен похлопотать за меня перед своим отцом, чтобы после распределения меня оставили в городе, если я буду с ним гулять.

— Обрадовалась, небось?

— Куда там! — весело засмеялась Люда.

— Ну и правильно. Дурак он, если смеет такое предлагать.

Помолчали. Костя сказал:

— А ведь и дура такая может найтись. Есть и у нас еще такие.

Сначала по шпаргалкам в школе экзамены сдают, а потом... Правда, Люда?

Люда молча двинула плечами.

Снова помолчали, любуясь засыпающим озером, сонным солнцем, ищущим приюта у теплых скал, голубым камышом, отсвечивающим воду озера.

— Пустой человек, — раздумчиво, все больше оживляясь, сказал Костя, — хоть и образованный. Его бы к нам на домну. Поставить во время выпуска к «пушке», когда летку на ходу закрывают. Многие увидели бы и поняли. Там ведь не только пыль да жара: красотища-то какая, глаз не оторвешь! А ведь ничего-то этого он и не увидит за папкой спинной.

Легким порывом ветра качнуло ветви ближних берез, казалось кто-то огромной рукой провел по их верхушкам. С озера опять потянуло прохладой и тонкой сыростью. Костя снял пиджак и заботливо набросил его на плечи Люды, слегка притянул к себе. И тогда она поцеловала Костю перьями.

— Странные вы какие-то девчонки. Вот ты и красивая и умная, а не познакомься я с тобой, могла бы выйти за студента, — улыбнулся Костя.

— Во-первых, не ты, а я с тобой познакомилась, — отгаликала его и сердясь, ответила Люда. — А во-вторых, пока вот вы хорошие да рассудительные еще только думаете познакомиться, такие хлопоты, как студент, уже танцуют с вашими девушками и кружат им головы.

— Это правда, — тихо ответил Костя. — Только ты не очень сердись. Виноваты, исправимся.

Он весело рассмеялся и крепко прижал Люду к себе. И тут, чувствуя прикосновение к его плечу горячей груди, неотвратимо понял, что это ощущение в нем не умрет и что оно будет жить вечно, пока он сам живет на этой хорошей земле.

С МИНИМАЛЬНЫМ СЧЕТОМ

На стадионе «Локомотив» состоялась очередная игра на первенство города по футболу. Команда Южно-Уральской железной дороги приняла футболистов листопркатного цеха № 4. В упорной борьбе победили железнодорожники. Счет 3:2.

И. ПЕТРОВ.

Редактор П. В. ПОГУДИН.

ЮМОРЕСКА

Не спеши языком...

Вызвали однажды Воробья в бюро по обмену опытом.

— Воробушко, дорогой! Съезди, прочитай лекцию о борьбе Дятла с древесными вредителями.

— Что вы, друзья! — возразил Воробей. — Ведь в этом деле я ничего не понимаю.

— Послушай, мы и самого Дятла послали бы, — настаивали работники бюро, — да ведь он не мастак говорить. Выручай, посиди возле Дятла, посмотри, как он жучков-червячков добывает, и получишь полное представление. А мы в долгу не останемся.

Польстился Воробей. Два дня покачался на ветке рядом с Дятлом и отправился читать лекцию. Сначала все шло хорошо. Во-

робьяная лекция понравилась аудитории. Но нашелся один пессимист. Поднялся и говорит:

— Чирикаешь ты складно. А не можешь ли метод Дятла на практике показать?

Делать нечего. Начал Воробей стучать клювом по коре. Раз, другой. Ни одного жучка-червячка добыть не может.

Слушатели стали посмеиваться. Неудобно стало ему. Стукнул посильнее, клюв повредил и совсем опозорился.

Недаром говорится в народе: «Не спеши языком — торопись делом».

Н. МОНАХОВ.

САМОНРИТИЧНЫЙ ТОВАРИЩ

— Тебе, товарищ,

не мешало б

Читать почаще книгу жалоб!

— Согласен, критику учту...

Уйду на пенсию — прочту.

В. НОВЛЯНКИН.

О ЧУТКОСТИ

Говорил начальник важный,

Слов красивых не жалел:

Мол, за кучей дел бумажных

Мы живых не видим дел,

И что тратим зачастую,

Много времени впустую,

И что с этим, безусловно,

Нам кончать давно пора...

А народ в его приемной

Ждет с восьми часов утра.

Михаил КАРАМУШКО.

Трест и треск

— Нажать на план! —

Приказ был дан

Горкоммунхозжилтрестом.

Нажав,

Опередили даже срок,

Но только вышли за порог —

Дом развалился с треском.

Иван ЧЕРНЯЕВ.

Договорились

— Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я — Матвей!»

— Но самогонки нет у нас.

«Нет, есть!» — сказал Матвей.

— Я целый месяц не гнала.

«Гнала!» — сказал Матвей.

— Давно вся свекла отшла.

«Не вся!» — сказал Матвей.

— Тебе стаканчик только дашь...

«Давай!» — сказал Матвей.

— Ты с головой меня продашь.

«Могу!» — сказал Матвей.

— И уж тогда про мой секрет...

«Про твой!» — сказал Матвей.

— Узнает сразу сельсовет.

«Пускай!» — сказал Матвей.

— А там милиция придет...

«Придет!» — сказал Матвей.

— И мой закроется приход.

«На год!» — сказал Матвей.

— Ну, так молчи, как камень, ты!

«Молчу!» — сказал Матвей.

— Давай сюда свою бутылку!

«Даю!» — сказал Матвей.

Владимир ШАМША.

Магнитогорский МЕТАЛЛ

Стр. 4. 26 июня 1964 года

Адрес редакции: гостиница, 2-й этаж Телефоны 3-38-04, 3-31-33, 3-47-04